

УДК 82

СТРУКТУРА ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ В «ГЕРОЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

© 2014 г.

И. С. Юхнова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

yuhnova1@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2014

Рассматриваются принципы создания портрета Печорина в «Герое нашего времени». Выделены константные черты облика героя, показано, как они трансформируются в сознании воспринимающего субъекта.

Ключевые слова: Лермонтов, Печорин, «Герой нашего времени», портрет.

Печорин – одна из самых спорных фигур в русской литературе. Причина этого кроется не только в особенностях личности лермонтовского героя, но и в отсутствии определенности, однозначности как самооценок, так и восприятия Печорина другими героями романа.

Печорин каждый раз ускользает. Ускользает, несмотря на то что во всех повестях воспроизводится одна и та же сюжетная схема: герой оказывается в новом, еще не обжитом им жизненном пространстве, находит условия для новой авантюры, которая им и осуществляется, а развязка событий отбрасывает его к исходной точке поисков. Таким образом, каждый раз совершается движение по замкнутому кругу: меняется среда (станция, военная крепость, «воды»), окружение («водяное общество», круг военных, горцы, контрабандисты), но неизменными оказываются логика поведения и побудительные мотивы действий героя.

Печорин всякий раз ускользает, потому что противоречивы его жизненные реакции: как замечает Ап. Григорьев, Печорин «существо совершенно двойственное, человек, смотрящий в зеркало перед дуэлью с Грушницким, и рыдающий, почти грызущий землю, как зверенок Мцыри, после тщетной погони за Верою» [1, с. 90]. Противоречиво его мировосприятие: в «Тамани» Печорин – мечтатель, оказывающийся во власти воспоминаний, доверяющий субъективным ощущениям; в «Княжне Мери», напротив, герой говорит о материалистичности своего мировоззрения, приоритете разума перед чувством.

Неопределенным, подвижным, текучим оказывается не только его внутренний мир, но и внешний облик. Обусловлено это тем, что каждое из портретных описаний Печорина идет вразрез с тем впечатлением, которое уже сложилось о герое. Большое значение в них имеет

точка зрения, утвердившееся о герое «мнение». Этот прием не нов для Лермонтова. Уже в первых прозаических опытах он использует портрет, представляющий собой смесь чужих мнений. Его классическим образцом в «Княгине Лиговской» является, например, характеристика матери Лизы Негуровой: «...Катерина Ивановна была дама неглупая, по словам чиновников, служивших в канцелярии ее мужа; женщина хитрая и лукавая во мнении других старух; добрая, доверчивая и слепая маманька для бальной молодежи... истинного ее характера я еще не разгадал, я только буду стараться соединить и выразить вместе все три вышесказанных мнения... и если выдет портрет похож, то обещаюсь идти пешком в Невский монастырь – слушать певчих!..» [2, с. 139].

Этот же прием сказывается и при характеристике главного героя «Княгини Лиговской». В ней дается возможный спектр трактовок объективной внешней черты Печорина: «Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности... толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...» [2, с. 124].

В «Герое нашего времени» этот принцип сохраняется, однако существенно видоизменяется. «Чужое» мнение, субъективное восприятие в портретном описании остается все так же значимым. Но это уже не мнение безликой толпы, а индивидуализированное восприятие. Подобный портрет в равной мере характеризует как описываемого, так и самого наблюдателя. В «Княгине Лиговской» все мнения, возможные восприятия личности сведены в одном описании, в «Герое нашего времени» рассредоточены, появляются по мере развития действия,

вхождения того или иного героя в пространство романа, тем самым выявляются разные точки зрения на Печорина.

В результате облик героя становится «текучим», приобретает внутреннюю динамику, выявляется его зависимость от обстоятельств, ситуации; он получает мотивировку. Уже возникшее представление о герое может поколебаться, а персонаж предстать в неожиданном ракурсе.

Портретные характеристики Печорина в «Герое нашего времени» рассыпаны по всему роману. Их «наполнение» зависит от того, чью точку зрения они выражают. Поэтому у всех описаний разный эмоциональный строй, разные цели. В определенном смысле можно говорить о том, что перед нами не столько портрет Печорина, сколько восприятие его другими героями.

Восприятие Бэлы, например, поэтическое: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду» [2, с. 211]. В том, каким увидела Печорина черкешенка, называется фольклорная традиция; даже переданное через стороннее слово (Максима Максимыча), оно сохраняет свою поэтичность.

По-военному точное описание только что прибывшего в крепость Печорина дает Максим Максимыч.

Есть и аналитический портрет, сделанный странствующим офицером.

Особое место в этом ряду занимают автопортреты. Их структурным элементом является апелляция к стороннему взгляду. Внешнее «я» получает для Печорина значение только тогда, когда предполагается сторонний взгляд (воображаемый или реальный), когда возникает мысленный или действительный контакт с внешним миром, социумом. Но возможное внешнее восприятие всегда неверно, обманно, «миражно», оно скорее запутывает, чем проясняет. Вот одно из печоринских «предположений» по поводу того, каким он видится со стороны: «Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этою загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего; оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая. Я долго изучал горскую по-

садку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад» [2, с. 280–281]. Мы видим, что создание некоего образа (в современной терминологии – имиджа) – сознательная установка Печорина.

По мере развития действия актуальность приобретают разные детали облика героя.

Первое описание Печорина появляется в рассказе Максима Максимыча. В нем акцент сделан на молодости, беззащитности вновь прибывшего офицера. Штабс-капитан отмечает и «физические данные» героя: «тоненький, беленький». Эта же черта (стройность) станет доминантой песенного «комплимента» Бэлы.

Максим Максимыч – военный, а потому обращает внимание на детали военного ритуала. Он же указывает на несоответствие внешних физических данных реальным возможностям Печорина: «в одиночку на кабана ходил» [2, с. 209].

Обращает на себя внимание, что штабс-капитан не выделяет такой важной детали в облике Печорина, как глаза. Лишь в момент смерти Бэлы косвенно будет обозначена «зона» глаз: «Он слушал ее молча, опустив голову на руки; но только я во все время не заметил ни одной слезы на ресницах его: на самом деле он не мог плакать или владел собою – не знаю: что до меня, то я ничего жалче этого не видывал» [2, с. 235]. И это тем удивительнее, что именно на глаза, взгляд Печорина в первую очередь обращают внимание другие персонажи романа. Грушницкий передает впечатление княжны Мери: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд?...» [2, с. 276]¹. Вера в прощальном письме признается: «...ничей взор не обещает столько блаженства...» [2, с. 332]. Сам Печорин говорит о своих горящих глазах. Вернер замечает, что глаза Печорина блестят перед дуэлью больше обыкновенного. Странствующий офицер особо останавливается на описании «карих глаз» Печорина: «они не смеялись, когда он смеялся» [2, с. 244]; «из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском», «то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен» [2, с. 244].

Этот факт тем более странен, что в рассказе Максима Максимыча глаза становятся значимой портретной деталью, и возникает она в связи с двумя персонажами – Бэлой и Казбичем.²

Вторая часть первого портрета Печорина строится на перечислении «странностей» героя.

Одной из них стала его речевая манера: «бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха...» [2, с. 209] – говорит Максим Максимыч. Позднее возникнет еще один обертон в речевом портрете героя: умение аргументировать свою позицию, путем логических построений обосновать свое право на поступок. Штабс-капитан недоуменно замечает на этот счет: «Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться» [2, с. 219].

И, наконец, Максим Максимыч упоминает о смехе, улыбке Печорина. Эта деталь возникает как ответная реплика в диалоге. На одно из замечаний Максима Максимыча Печорин «улыбнулся и стал насвистывать марш» [2, с. 221]. Памятен штабс-капитану и смех героя после смерти Бэлы: «Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха...» [2, с. 237] – говорит он.

Эти детали отложились в сознании Максим Максимыч, так как не укладываются в привычную для него схему поведения. Как видим, они психологически значимы. В этих ситуациях слово Печорин «заменяет» невербальным ответом.

Черты, подмеченные Максимом Максимычем: «беленький, тоненький», разного рода несоответствия (реальных физических возможностей – производимому впечатлению, реального возраста – неюношеской опустошенности) – получают развитие в дальнейшем повествовании, однако они никогда не повторяются буквально, а варьируются, приобретая новые смыслы, новые оценки.

Так, странствующий офицер отмечает «ослепительно чистое белье» Печорина, «запачканные перчатки», «сшитые по его маленькой аристократической руке», «худобу ... бледных пальцев». Тут этот факт только зафиксирован, он не является оценочным, а, по словам наблюдателя, «изобличает привычки порядочного человека», но вот как в устах драгунского капитана эта деталь «зарифмуется» и превратится в способ выразить крайнюю степень неприязни: «Печорина надо проучить! <...> Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги» [2, с. 311].

Постепенно особый акцент делается и на улыбке героя. Максим Максимыч не вычленяет ее как характерную деталь, но для представителей «водяного» общества вызывающая улыбка Печорина – константная черта, и они воспринимают ее как вызов, знак высокомерия: «И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, – да, трус!» [2, с. 311] – скажет один из них.

Слово «беленький», прозвучавшее у Максима Максимыча, постепенно трансформируется в «бледность». В рассказе штабс-капитана «бледность» героя всегда обусловлена переживаемыми чувствами³. В описании Печорина, которое делает странствующий офицер, «белый» и «бледный» соседствуют. Рассказчик говорит о белокурых волосах, «светлом цвете волос», «бледном благородном лбе», «бледных пальцев» героя. Однако в «Журнале Печорина» сам герой подчеркивает свою «бледность»⁴ («лицо хотя бледно, но еще свежо»). Возможно, подобная трансформация вызвана тем, что эта портретная черта литературна (вспомним, как Байрон добивался подобного цвета лица). Максим Максимыч существует вне литературного поля, его оценки, впечатления сформированы жизнью. Странствующий офицер и сам Печорин – персонажи пишущие, для них мир литературы, пожалуй, такая же реальность, как жизнь. Не случайно Печорин воспринимает человека через некий литературный образ: контрабандистка для него ундина, Вернер вызывает ассоциации с Байроном... «Бледность» – знак определенного мироощущения, которое и проявляется через словупотребление. «Бледность» – составная часть того образа, который сознательно создает Печорин.

Получит развитие и замечание Максима Максимыча о речевой манере Печорина. Реплика Веры: «...в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая...» [2, с. 332] – почти повторяет мысль, высказанную штабс-капитаном: «Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться» [2, с. 219]. В «Журнале Печорина» будут продемонстрированы, а отчасти и сформулированы способы печоринского воздействия на человека через речь: и молчание, и недомолвки, и артистично разыгранные признания-исповеди, и изящные игры со словом и др.

Печорин задает себе вопрос: «Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» [2, с. 312]. Как видим, одни и те же черты героя вызывают прямо противоположные чувства. То, что одним кажется достоинством и вызывает симпатию, у других порождает недоумение или ненависть. Дело в самом Печорине в его отношении к кому-либо из окружающих. Печорин может быть разным, он по-разному строит свои взаимоотношения с людьми. Его отношение к тому или иному человеку и проявляется через изменение деталей внешнего облика главного героя, несмотря на его исключительное умение владеть собой.

Примечания

1. Тяжелый взгляд – автобиографическая черта Лермонтова.

2. Глаза стали доминантой в первом описании Бэлы: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу» [2, с. 211]. Взгляд, выражение глаз абсолютно выражают чувства Бэлы, движения ее души. Для нее они способ общения, а потому Максим Максимыч постоянно фиксирует свое внимание на этой детали облика черкешенки.

Динамику отношений Бэлы с Печориным можно проследить по тому, как меняется выражение ее глаз. Печорин говорит Максиму Максимычу после похищения Бэлы: «...сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна» [2, с. 219]. Затем «...она начала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса...» [2, с. 220]. Кульминация объяснения Печорина с Бэлой: «Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслию; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля» [2, с. 220]. Финал этого разговора: «Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась и кивнула головой в знак согласия» [2, с. 220–221].

Во время охлаждения Печорина к Бэле Максим Максимыч замечает внешние перемены в облике де-

вушки: «...она заметно начинала сохнуть, личико её вытянулось, большие глаза потускнели» [2, с. 231].

Умиряющая Бэла: «Как она переменялась в этот день! бледные щеки ввали, глаза сделались большие, большие, губы горели» [2, с. 231].

Первое появление Казбича: «...из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные» [2, с. 211].

3. Во время бреда Бэлы Печорин «сделался бледен как полотно» [2, с. 237]. Реакция Бэлы на слова Печорина: «Я виноват перед тобой и должен наказать себя: прощай...» проявляется в «смертельной бледности» [2, с. 221]. Бэла переживает охлаждение Печорина: «сидит на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная» [2, с. 228].

4. Пожалуй, лишь один раз в описании облика Печорина возникнет другая «краска». Результатом бессонной ночи после подслушанного разговора стало то, что утром он «был желт, как померанец» [2, с. 312].

Список литературы

1. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая // Григорьев А.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 48–91.

2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.; Л, 1957. С. 202–347.

**THE STRUCTURE OF PORTRAIT DESCRIPTIONS IN M.YU. LERMONTOV'S
«A HERO OF OUR TIME»**

I.S. Yukhnova

We consider the principles used by the author in creating Pechorin's portrait in «A Hero of Our Time». Some constant features in the image of the character are highlighted. It is shown how they are transformed in the mind of the perceiver.

Keywords: Lermontov, Pechorin, «A Hero of Our Time», portrait.

References

1. Grigor'ev A.A. Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina. Stat'ja pervaja // Grigor'ev A.A. Sochineni-

ja: V 2 t. T. 2. M.: Hudozh. lit., 1990. S. 48–91.

2. Lermontov M.Ju. Geroj nashego vremeni // Lermontov M.Ju. Sochinenija: V 6 t. T. 6. M.; L, 1957. S. 202–347.